

АЛЯ
СПИРИТ

Его
маленькая
Кнопка

Аля Спирит

Его маленькая Кнопка

<https://litres.ru/74520613>

Аннотация

Призер конкурса "Магия слов" от литературной платформы "Литнет"

Новенький в классе — это всегда событие. А когда его сажают за одну парту с тобой — катастрофа.

Он: баскетболист, душа компании и золотой мальчик, у которого одно упоминание об отце вызывает боль... Я: метр с кепкой, сарказм вместо бронежилета и полная несовместимость с физрой.

Мы должны были даже не заметить друг друга, но... Жизнь, как всегда, внесла коррективы...

#от дружбы до любви

#родители иногда перегибают палку

#надёжный и добрый парень

#green flag

Роман о первой школьной любви

Бумажную версию можно приобрести на любом маркетплейсе))

Содержание

Глава 1 Новенький	4
Глава 2 Моя семья	16
Глава 3 Странный новенький	25
Глава 4 Урок кросса от Грушева	36
Глава 5 Отец Егора	48
Глава 6 Шубин и лужа	58
Глава 7 Первый матч	65
Глава 8 Ультиматум родителей	75
Глава 9 Сомнения	85
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Глава 1 Новенький

Сегодня в нашем классе появился новенький.

Большой, словно шкаф. Красивый, как с обложки: волосы отливают горьким шоколадом, а глаза голубые-голубые, словно безоблачное небо...

Он неспешным шагом проходит к доске и засовывает руки в карманы, насмешливо улыбаясь. И почему-то хочется отзеркалить его улыбку. Повторить, почувствовать, какого это — быть настолько в себе уверенным. Но я лишь перевожу взгляд, чтобы не было похоже, будто пялюсь на новенького.

— Представься, — просит Антонина Ивановна, поправляя на носу старомодные очки.

Парень задерживает взгляд на классе. Его плечи слегка напряжены, но голос спокоен.

— Егор Грушев. Занимаюсь самбо и баскетболом. Перевёлся из 48-й.

— Переехали? — с улыбкой подсказывает учительница.

Он на секунду задумывается, пальцы непроизвольно сжимаются, потом разжимаются.

— Нет... Меня просто выгнали, — он улыбается во все тридцать два зуба.

В классе повисает тишина. Даже Марков перестаёт жевать ручку. Антонина Ивановна кашляет в ладонь.

— И за что, позволь спросить?

Парень пожимает плечами.

— Скорее всего, я просто лентяй, раздолбай и задира.

— О-о-о! — одноклассники переглядываются. Царев тут же начинает что-то записывать в блокнот, а Зубова заинтересованно приподнимает бровь.

— Ну, если так... — Антонина Ивановна вздыхает. — Садись, Егор. Вон, к Кнопочкиной. Может, она тебя чуть-чуть приструнит.

Я возмущённо вытягиваюсь на стуле. Я что, укротитель в цирке? Но Егор уже идёт ко мне, и в его глазах — насмешливый интерес от моей реакции.

— Привет, Кнопка, — он аккуратно ставит рюкзак, не занимая мою половину стола. — Не переживай, я не кусаюсь. Если только меня не спровоцируют, — и подмигивает так, будто мы уже сто лет знакомы.

— Позёр, — фыркаю я, незаметным взглядом окидывая его фигуру.

Для старшеклассника он был... крупноват. Будто старше остальных года на два. Боюсь, если мы оба сейчас встанем, то я ему между лопаток дышать буду.

Мельком оглядываю класс и вдруг понимаю, что половина девчонок на меня смотрит с завистью, а кто-то даже с недовольством. Это что... Из-за новенького?

— И я — не Кнопка! Или ты любишь коверкать фамилии, давая одноклассникам прозвища? У нас даже самые отбитые парни выросли из этого возраста!

— Ну, а кто же ты? Кнопка, как и есть! А чуть надавишь — сразу пищишь! — он бесцеремонно ерошит у меня волосы на затылке. — Не бойсь, мелкая, я таких, как ты, не обижаю.

— Таких, как я?!

— Тишина в классе, — стучит по столу старомодной указкой Антонина Ивановна и смотрит на нас с Грушевым осуждающе. — Юля, я понимаю, что мальчик красивый, но не могла бы ты познакомиться с ним после алгебры?

У меня дёргается глаз, а на невозмутимом лице парня расплзается улыбка чеширского кота. Боже, как неловко!

По классу разносится весёлый смех, а мне хочется залезть под парту. Усилием воли отвлекаюсь от новенького и погружаюсь в мир цифр.

Алгебра — моя стихия. Я просто не понимаю, как её можно плохо знать. Вот формула, вот задача — подставляй себе на здоровье! Для каждого примера свой набор формул, они понятны, логичны и всегда работают. С той же геометрией дела у меня обстоят намного хуже. Все эти доказательства, «дано»... Меня это вгоняет в тоску...

А вот видеть, как из длинного, лохматого примера с каждым новым действием получается всё красивее и короче строчка... Это доставляет настоящее удовольствие...

Я настолько погрузилась в свой мир, старательно выводила цифру за цифрой и следя за тем, чтобы случайно не ошибиться ни в одном знаке, что заметила нос нового однокурс-

ника в своей тетради только когда тень от его головы закрыла часть примера.

— Не поняла?

— У тебя вот тут ошибка, — задумчиво стучит он кончиком карандаша с ластиком по третьей строчке примера, — ты просто умножила, а надо было возвести в степень.

Недоверчиво кошусь на него, а потом всё же перепроверяю написанное.

Бли-и-ин! Точно! Это что же получается, я зря последние две строчки писала?!

Рассерженно фыркнув, отпихиваю локоть парня, занявшего чуть больше половины парты, и переписываю злосчастный пример. Не думаю, что он это заслужил, но раздражение из-за промашки дало о себе знать.

Откуда-то сверху раздаётся насмешливое хмыканье, а затем приятный запах мужского дезодоранта отодвигается от меня подальше, позволяя наконец-то свободно дышать. Или дело вовсе не в дезодоранте?

Звонок с урока раздаётся слишком рано. Слишком не вовремя. Я судорожно дописываю последние строчки и поднимаюсь на ноги как раз тогда, когда новенький, окружённый толпой гомонящих одноклассников, уже выходит из кабинета.

Я подрываюсь с места и бегу следом, на ходу закидывая на плечо лямку рюкзака.

— Эй! Грушев! Егор, погоди!

Парень оборачивается с широкой улыбкой и смотрит на меня сверху вниз.

— Уже всё решила, Кнопка?

Вокруг раздаются смешки, а я пихаю его кулаком по плечу и требовательно спрашиваю:

— Как ты узнал, где именно я допустила ошибку? Ты не мог так быстро решить и свой пример, а потом ещё найти точное место, где ошиблась я!

— Ой, Юлька опять на своего любимого коня села, — ржёт дубина Марков, потирая коротко стриженный затылок.

— Заткнись, — огрызаюсь я, отпихивая обезьяну, по недоразумению названную человеком. — Так как, Егор?

— Почему же я не мог успеть? — добродушно вздёргивает он широкую бровь. — Пока ты ещё целые две строчки решала заведомо неправильный остаток примера, а значит, испытывала с ним сложности, я успел всего за два действия решить правильный вариант, а потом заинтересовался тем, что делаешь ты с таким умным видом.

После его последних слов Марков снова ржёт, а я вспыхиваю. Но сказать ничего не успеваю, потому как вмешивается Элька Зубова — первая красавица нашей параллели.

— Не слушай её, Егорушка. Кнопочкина вечно в своих цифрах сидит!

Я усмехаюсь.

— Конечно, у меня нет богатого папочки, чтобы оплатил мой вуз.

— Фу, какая ты злая, — добродушно отмахивается Зубова и тянет за руку новенького. — Егорушка, пойдём! У нас сейчас физ-ра на улице будет! Лучше не опаздывать, а то ГенСаныч лишний круг бегать заставит.

Я от этого «Егорушка» закатываю глаза, но централизованно вместе со всей толпой одноклассников вываливаюсь на улицу из школы. Здесь, если обойти здание, можно попасть на относительно подстриженный стадион.

Вот хорошо сейчас — мы в той же одежде, что были на алгебре, теперь будем бегать кросс. У нас только пара девчонок переодевается и снимает балетки. Остальные всегда в кроссах.

Наш физрук, ГенСаныч, — довольно колоритный мужик лет шестидесяти, всегда гладко выбритый, но с усами, — уже стоит и ждёт на краю стадиона, широко расставив ноги и заложив руки за спину.

— Явились, кони мои, — как всегда пытается шутить он, добродушно усмехаясь, — бежать готовы?

— Здравсьте, ГенСаныч! — гундят басом парни, подбегая ближе и подтягивая на своих тощих задницах штаны. — А звонка ещё не было!

— Раньше начнёте, раньше закончите! — жизнерадостно хлопает в ладоши физрук и достаёт допотопный секундомер. — Кто первый пробежит два круга, тот получит пять автоматом.

— За четверть? — оживляются парни. Я же стараюсь не

отсвечивать. А лучше вообще слиться с окружающей природой. Срываю с ближайшей берёзы красный лист — осень в этом году не только тёплая, но и очень красивая.

— За четверть, за четверть, — хмыкает ГенСаныч, — вы же уже почти студенты, можно с вами как со взрослыми, правильно?

— А если в процессе кто-нибудь совершенно случайно пострадает? — хищно засматриваясь на конкурентов, интересуется Марков, разминая кулачищи.

— А если, Марков, кто-нибудь пострадает, то ты лично получишь кол.

— За что? — воет одноклассник, картинно прикладывая руки к правой стороне груди. — Как всегда нашли виноватого!

— Шут, — бурчит себе под нос наша тихоня Стасенька, но после того, как на неё оглянулись пара человек, включая меня, тут же прячется за ближайшим кустом, нервно поправляя на носу очки.

— ГенСаныч, — тем временем высунул свой нос вперёд Царев — наш староста, — а вы ещё не знаете, что у нас новенький?

— Кто?! — удивляется физрук, смотря на старосту прямо через Егорушку.

— Это я, — спокойно улыбается мужчине Грушев и выходит вперёд, снимая на ходу толстовку. У меня за секунду весь воздух вылетает из лёгких, а со стороны девчонок слы-

шится тяжкий вздох. Парень был хорош! Особенно в белой футболке. Поджарый, сильный, но не перекаченный, а гибкий, словно тигр...

Пока я пытаюсь восстановить дыхание, убеждая себя, что реакция на незнакомого парня у меня слишком бурная, ко мне наклоняет голову Зубова.

— Скажи, классный, да, Юль?

Я только отмахиваюсь, но тем не менее вместе со всей девичьей группой не могу оторвать взгляд от парня.

— Меня зовут Егор Грушев, — новенький подходит к физруку и совершенно по-взрослому крепко жмёт ему руку.

Судя по виду ГенСаныча, тот в восторге.

— А, так ты — новенький? Я думал, эти оболтусы кого-то из друзей своих опять приволокли. Чем занимаешься?

— Самбо и баскетбол. Но сейчас — только баскетбол, на самбо уже времени не остается.

— Отлично, отлично, — одобрительно осматривая парня, как товар на рынке, кивает физрук, усмехаясь в густые седящие усы, — тогда ваше соревнование будет ещё интересней, правда?

И мы все дружно, по команде бежим вокруг стадиона два круга. Я заранее готовлюсь к позорному провалу. Почему-то именно сегодня не хочется показывать, насколько я бестолковая в спорте...

А буквально через минуту становится понятно, что новенький уйдёт с урока с пятёркой за четверть. При том, что

он совершенно не напрягается. Бежит себе спокойно, по сторонам глазеет. Успевает ещё и с Марковым болтать. Костя Марков конечно пока темп поддерживает, но, судя по стремительно краснеющему лицу, недолго ему осталось выпендриваться. А ещё футболист!

Следом за ними на почтительном расстоянии бежит Царев, бесконечно поглядывая на дорожные наручные часы и сверяя пульс. Словно отклонение в одну единицу от нормы сразу же выбьет его из позиции «всегда идеален».

После нашего зазнайки огромным стадом несётся вся остальная мальчишечья куча. Пихаясь, бесконечно ржа и споря, они поднимают тучу пыли и создают угрозу для жизни любому, кто имеет смелость бежать рядом.

А бежать рядом с их копытами осмеливается лишь одна из девчонок — Лена Соколова. Но она не в счёт — она сама как парень.

Потом бегут ровным рядком все остальные девчонки, затем Стасенька, бесконечно поправляя сползающие на нос очки.

Ну и... последней бегу я... Как всегда. Чувствую себя словно черепаха среди антилоп. И ведь это я стараюсь!

К середине второго круга расстояние между бегущими становится чуть больше, я бегу куда медленней, если это вообще возможно, а мысли начинают путаться. Уже нет сил пялиться на идеально ровную спину в белой футболке. Лишь бы просто добежать!

Грушев первым финиширует и спокойно подходит к улыбающемуся во все тридцать два зуба физруку. Парень даже не запыхался и не вспотел. Лишь убрал пятерней упавшую на глаза чёлку.

Сразу за ним с громким криком пробегает финиш Марков и с разбегу падает в шуршащую листву.

— Всё! Я сдох! — орёт он на весь стадион и добавляет: — А вообще, ГенСаныч, я просто новенькому поддался! Он только пришёл, не мог же я его сразу авторитетом, да? А то расстроился бы...

— Естественно, Константин Кириллович, — усмехается физрук, делая пометки в журнале, — и раз ты у нас настолько крут, то покажешь новенькому, как надо отжиматься?

Голова одноклассника тут же вынырнула из листвы.

— Я?! — искренне поражается он.

— Мне показалось, или ты вчера мяч в окно столовой забросил? — смотрит из-за планшета на него учитель.

Парня моментально подбрасывает на ноги.

— Конечно, ГенСаныч, сейчас я его быстро отжиматься научу! Вставай в позицию, балерина, — кричит он Егору, принимая упор лёжа.

Когда я добегаю до одноклассников, большинство уже заканчивают разминку, а новенький с Марковым сидят на траве и отдыхают после отжиманий.

Еле живая, киваю ГенСанычу и отхожу в сторону, чтобы упереть руки в колени и просто глубоко подышать. Кажется,

будто у меня сейчас разорвёт грудную клетку. Больно ногам, рукам, спине, по которой катится пот под футболкой... Всё больно...

Рядом еле дышит пышнотелая Зубова.

— Я сейчас помру, Юлька, — жалуется она, обмахиваясь наманикюренными пальцами, — кто придумал заставлять девушек бегать?

Я, через силу усмехаясь, пытаюсь кое-как собрать волосы из выбившегося хвоста.

— Это чтобы мы жопы на уроках окончательно не отсидели.

— Ой, — она жалобно вздыхает, — а я бы лучше отсидела. Ненавижу потеть! Хорошо тебе — ты мелкая и тощая, даже странно, что всегда последняя.

В ответ я не выдерживаю и валюсь на траву, игнорируя окрики физрука.

— Просто оставьте меня здесь, — прошу жалобно. Моя жизнь полностью опозорена. И тем обидней осознавать, что новенький во всём хорош. И в алгебре шарит, и физически развит. А я... А я выгляжу, как дохлая лошадь...

— Эй, Кнопка, ты жива? — раздаётся над головой голос Егора.

Я вздрагиваю от неожиданности и пытаюсь соскрести себя с земли. Парень неожиданно подхватывает меня под мышки и словно пушинку поднимает в воздух. Я судорожно вдыхаю и не могу выдохнуть до тех пор, пока он меня не ставит на

твёрдую землю.

— С тобой всё нормально? — хмурит он густые брови, чуть изогнутые ближе к кончику. Будто парень говорит ими: «Ты вся красная от такой лёгкой пробежки. Серьёзно?»

— Нормально, — шепчу, покрываясь ярким румянцем. Боже, как же неловко!

Замечаю, что на нас уставилась половина одноклассников, и судорожно придумываю себе оправдание.

— Я... просто ненавижу бегать...

Парень ухмыляется и отходит от меня на шаг, а я стою красная, растрёпанная, с бешено бьющимся сердцем, так что кажется — ещё чуть-чуть и оно выпрыгнет из груди.

— А всё потому, что надо тренироваться, Кнопочкина, — наставительно тянет ГенСаныч, совершенно не обеспокоенный, что я чуть душу на пробежке не отдала. — Вот, берите все пример с Грушева!

Он покровительственно хлопает парня по плечу сухой крепкой рукой. Любой другой бы точно согнулся пополам от такой поддержки, а Егор лишь улыбнулся.

— Молодец, парень, далеко пойдёшь.

Мы слышим звонок с урока, и я облегчённо вздыхаю. Наконец-то мой позор закончился!

Глава 2 Моя семья

Я облегчённо выдыхаю, когда наконец вваливаюсь в нашу небольшую квартиру. Наконец-то можно будет переключиться и забыть школьный шум, болтовню одноклассников, а также воспоминания о новеньком, который умудрился за один день перевернуть мой привычный мир с ног на голову.

— Юлька, это ты? — из кухни доносится мамин голос, а следом показывается в коридоре её румяное лицо. Вечно растрёпанные каштановые волосы собраны в небрежный пучок, а в руках — деревянная ложка, которой она призывно зазывает меня обедать на кухню.

— Я! — устало улыбаюсь в ответ, скидывая рюкзак в коридоре, на него ботинки, а на ботинки шапку.

Запах жареной картошки с луком и куриных котлеток бьёт в нос, заставляя живот предательски урчать. Да, алгебра алгеброй, а мамины котлеты — святое.

— Ну как, дочка? Как контрольная по математике, к которой ты готовилась? Антонина Ивановна не сказала, будут ли подобные задания на ЕГЭ? — мама засыпает меня вопросами сразу, как я сажусь за стол.

Я пожимаю плечами.

— Нормально. Решила всё, кроме последней задачи.

— Последней? — мама замирает с половником в руке. — А если такую не решить на экзамене, то это много баллов?

— Да ладно, мам, я и так лучше всех в классе, — отмахиваюсь я, засовывая любопытный нос в сковородку. Что это у нас? Ням!

Но мама не успокаивается. Она недовольно качает головой.

— Вот потому что лучшая, ты и расслабляешься. В прошлом году у Лены Свиридовой была та же история — зазналась, а на ЕГЭ недобрала два балла и не поступила. И, Юлька, перестань пялиться на плиту, будто ты в этом что-то понимаешь! Вся еда давно на столе.

Я закатываю глаза, но тут из душа выходит отец с улыбкой на лице.

— Ну как ты, дочь? Опять последняя на физре прибежала?

— Пап! — я кривлюсь, недовольно фыркая. И как он каждый раз догадывается?! Неужели я выгляжу ТАК плохо?

— Ну, я же не виноват, что у тебя вместо ног две зубочистки.

— Миш, хватит дразнить ребёнка, — мама шлёпает его половником по плечу, но по глазам вижу — они оба предательски ржут надо мной. — Юль, не слушай его. Ешь давай, брат скоро придёт, хоть пообедаем вместе — а то не дождёшься от вас!

— Кстати, — папа вдруг становится серьёзным, аж очки с носа съезжают, — а как там контрольная по математике? Сдала?

— Нормально, — с усмешкой посматриваю на маму. Они что, сегодня, сговорились?

— «Нормально» — это на четыре? — он приподнимает бровь. — Юля, ты же знаешь, что тебе нужно хорошо учиться. Главное — голова, а не внешность. Ты же не хочешь всю жизнь быть как эти... Что перед камерой скажут или мяч по полю бесцельно гоняют.

— Папа прав, милая, — подхватывает мама, ставя передо мной тарелку с картошкой и протягивая вилку. — Ты у нас умница, но если не будешь стараться, то как поступишь на экономический?

— Может, я и не хочу на экономиста, — бормочу я, ковыряя вилкой в еде. Нет, я люблю математику и сама собиралась поступать, но постоянное напоминание об этом немного напрягает.

— А что ты хочешь? — папа складывает руки на груди. — Заниматься ерундой или остаться без высшего?

— Я и не говорю, что хочу быть блоггером или спортсменкой! Просто... может, есть другие варианты?

— Другие варианты? — мама вздыхает так тяжело, словно я говорю полнейшую чушь. — Юлечка, мы же не просто так тебе это говорим. Экономическое образование — это стабильность, престиж, хорошая зарплата и перспективы! Ты же не хочешь потом перебиваться с хлеба на воду и жить от зарплаты до зарплаты, как мы с твоим отцом?

— Не хочу, — вздыхаю послушно. — Просто хотелось бы

найти профессию интересную...

— В жизни не всё должно быть интересно, — вдруг заявляет папа. — Пойми, дочь, иногда нужно просто делать то, что правильно. А правильно — это думать о будущем. А не о ерунде.

Внутри начинает закипать протест, но я не нахожу слов, чтобы возразить родителям. Они же правда хотят для меня лучшего. Просто их «лучшее» кажется каким-то... не знаю... слишком навязанным, слишком идеально спланированным.

Спланированным ЗА меня и БЕЗ меня, разумеется.

В этот момент раздаётся звук открываемого замка, а затем входная дверь резко распахивается.

— Серёга пожаловал, — хмыкаю я.

И верно — в прихожую вваливается мой старший брат, весь какой-то помятый и взъерошенный. Нам его с кухни прекрасно видно, квартира-то маленькая. Обычно аккуратно уложенные волосы брата сейчас торчат в разные стороны, будто их обладатель всю дорогу домой ехал, высунув голову в окно машины. В одной руке у брата ключи, в другой — смартфон, издающий противную навязчивую трель входящих сообщений.

— Всё, — Серёга швыряет ключи на тумбу так, что они со звоном скатываются на пол, — можете пожелать Катке всего хорошего. Она меня вконец заколебала!

— Ты что, свадьбу отменишь? — ахает мама.

Серёга даже раздеваться перестаёт. Он удивлённо приподнимает брови.

— Отменю? С чего это? Нет, я её просто своими руками задушу и дело с концом!

Он срывает куртку одним резким движением и кидает её на крючок, промахиваясь три раза подряд. Наконец, бросив куртку наугад, он поворачивается к нам. На лице такая смесь ярости и чисто мужской беспомощности, что я фыркаю.

— Что, снова она тебя сделала? — спрашиваю, залезая на стул с ногами и засовывая в рот хрустящую корочку с картошки. — Из-за чего на этот раз поругались?

— Да какая разница? — отвечает за брата отец. — Поругались — помирятся. Это нормально в их возрасте. Любовь, она как маринад — чем дольше киснет, тем вкуснее потом шашлык.

— Миша, ну что за сравнения! — мама всеми силами пытается выглядеть сочувствующей, но брат даже не замечает её стараний. — Серёж, что такое? Вы не смогли выбрать кольца?

— Нет! — Серёжа делает такой жест руками, будто пытается открутить голову воображаемой Катерине. — На этот раз всё гораздо хуже. Торт! Она хочет трёхъярусный, но... — он делает драматическую паузу, — без сахара. Без глютенa. И без этой, как она говорит, «противной мастики». И чтобы фигурки жениха и невесты ни в коем случае были не пластиковые, потому что фигурки, цитата: «должны быть съедоб-

ными!» Ах, да, и не из марципана, потому что он, ещё раз читата: «как пластилин». А из чего тогда должны быть эти неведомые фигурки — она не говорит. Потому что что? Потому что не знает!

Он хлопает себя по лбу и обводит нас взглядом, ища сочувствие.

Я закатываю глаза, а папа невозмутимо замечает:

— Ну так предложи слепить их из теста, высушить и покрасить пищевым красителем.

Сергей замирает на секунду, потом медленно поворачивается к отцу.

— Я... я так и предложил...

На кухне воцаряется тишина.

— Ты... что сделал? — переспрашиваю его, еле-еле удерживаясь от того, чтобы не захохотать. — Совсем ку-ку, да? И что она ответила?

— Что я — дурак, — Серёга горестно разводит руками, словно говоря: «А что такого я сказал?»

Я переглядываюсь с мамой и начинаю нагло ржать. Неудивительно, что его Катюха выставила — я бы так же сделала!

— Ладно, иди ешь, — мама треплет брата по плечу, пытаясь скрыть улыбку, чтобы не дай Бог не показать, что над ним, таким взрослым и умным, кто-то смеётся, кроме глупой мелкой сестры. — Потом разберёшься, и вы обязательно помиритесь. Может, Катя ещё передумает или сама найдёт, чем заменить фигурки из мастики.

Серёга падает на стул рядом со мной и мрачно засовывает в рот кусок хлеба с маслом. Мой кусок хлеба!

— Она? Передумает? — горько усмехается он. — Ты её не знаешь, мам. А вот мне не повезло. Вчера она три часа выбирала оттенок белого для наших свадебных конвертов. Три часа! У меня уши устали слушать: «Это не белый, это яичная скорлупа! А это уже слоновая кость!»

Папа горестно вздыхает, а мы с мамой снова переглядываемся.

Серёга продолжает жаловаться, постепенно оттаивая, как с ним всегда и бывает. В итоге, ужин проходит в привычных шутках, подколах и болтовне. Мама расспрашивает про школу, папа рассказывает не смешные анекдоты, стараясь казаться современным, раз уж в кой-то веки за одним столом собрались, а брат периодически вздыхает и бормочет что-то вроде: «Ну почему она просто не может выбрать из двух вариантов — либо то, либо это. Неужели так сложно?!» Я над ним подсмеиваюсь, отвечаю маме и даже рассказываю родным про новенького. Ну... совсем немного...

А потом...

Потом я захожу в свою комнату, закрываю дверь, и тишина накрывает меня, словно тяжёлое одеяло.

Я сажусь на подоконник, прижав колени к груди, и смотрю в окно, где за стеклом медленно клонится осеннее солнце к закату и то и дело вспыхивает свет в окнах противоположных домов — люди возвращаются с работы.

Какое странное чувство...

Да, у меня хорошая семья.

Она любящая, шумная и даже полная — по сути, бывает куда хуже.

Моя мама всегда готова обнять, выслушать и дать совет. Папа всегда за своих детей горой, хоть и строит меня до сих, словно я маленькая. Да, они оба иногда перегибают палку с учёбой, но ведь скоро экзамены — они волнуются. А ещё, у меня есть брат, который, даже если злится и ругается со своей Катькой, для меня остаётся тем самым Серёжкой, таскавшим меня в детстве на плечах. Он, конечно, тот ещё балбес, но ведь родной.

Но это дома...

А вот в школе... Когда раздаётся звонок с урока, то мне даже не к кому повернуться и сказать: «Пошли?»

Когда все болтают о вечеринках и тусовках, я просто иду домой.

Даже Зубова, которую интересует исключительно свой внешний вид, парни и тусня, всегда окружена подружками.

А Юлька Кнопочкина — просто ботаник... И друзей за столько лет в школе близких так и не завела. Хотя вроде не зануда и не боюсь собственной тени, как та же Стасенька, а просто потому что... ну сложно это — подойти и начать говорить. О чём? Кто бы знал...

Мне бы хотелось иметь друга или подругу. Не того, кто просто поздоровается в коридоре, а потом сделает вид, что

меня нет. А того, кто поймёт мой сарказм, не обидится на колкости, не испугается моего едкого языка. Того, кто будет смеяться со мной, а не надо мной. Неужели я многого прошу?

Я вздыхаю, тычась лбом в холодное стекло.

— Блин...

За стеной папа что-то громко рассказывает, мама смеётся, Серёжка спорит с Катькой по телефону — жизнь кипит...

Я, конечно, могу к ним присоединиться, но с каждым днём ощущаю, что хочу начать изучать этот большой мир вокруг и наконец оставить тёплое гнездышко родительской заботы.

Но боюсь.

Ужасно боюсь...

Глава 3 Странный новенький

На следующее утро я с независимым видом захожу в школу. Прохожу мимо раздевалки, поднимаюсь на второй этаж, а затем ноги сами несут меня в кабинет литературы, откуда доносится привычный ор одноклассников.

— Юлианна пожаловала! — шутливо кланяется мне на входе Марков, а я, не удостоив его даже взглядом, вместо этого оглядываю класс, выискивая... кого? Об этом даже думать не хочется, потому что ответ мне не нравится.

Новенький уже сидит за нашей партой, развалившись с видом полного безразличия, но крепкие пальцы нервно барабают по столу, а кадык на мощной шее ходит взад-вперёд, выдавая внутреннее напряжение, словно его что-то уже с утра успело расстроить.

Неожиданное облегчение при виде парня, сидящего за нашей общей партой, разливается по груди, удивляя и одновременно пугая. Я тут же злюсь на саму себя.

— Кнопочкина, вы с нами? — голос учительницы литературы выдёргивает меня из мыслей.

— Конечно, — автоматически отвечаю, плюхаясь на место.

— Замечательно, — кивает Лидия Михайловна. — Марков, не надо есть кактус, он и так еле жив!

— За кого вы меня принимаете?! — оскорбился Костян,

падая за парту и скаля обезьяньи зубы. — Я его ещё в том году попробовал, и мы не подружились.

— Очень рада, что ты извлекаешь жизненные уроки, — усмехнулась учительница, а потом громко осведомилась у всего класса: — Тихо! Урок начался, разговаривать будете на перемене. У нас сегодня обсуждение пьесы Островского. Итак, кто мне расскажет, как повлияло на Бориса то, что его бросил дядя?

Большая часть парней начинает усиленно делать вид, что их интересует погода за окном, а Стасенька, сидящая на первой парте, моментально вздёргивает вверх руку, второй поправляя на носу очки.

— Из-за того, что с Борисом случилось, он не может теперь контролировать свою жизнь и бороться до конца. Мне его жаль...

Тут поднимает руку Егор и, к моему удивлению, начинает говорить, практически перебивая одноклассницу.

— Борис слаб и ведёт себя, словно тряпка, — парень усмехается. — Он сам говорит, что «загнан, забит». Хотя, как по мне, это не оправдание. Его дядя оставил без поддержки, да. Но вместо того, чтобы бороться, Борис выбирает путь наименьшего сопротивления — влюбляется в замужнюю женщину, зная, чем это грозит.

Кстати, последнее и мне казалось вопиюще некрасивым. В мире столько молодых, красивых, свободных... Нет, нашему герою уже занятую женщину подавай!

В классе стоит безразличная тишина. Большинство просто рады, что кто-то отвечает вместо них. Учительница согласно кивает, но тут... я не выдерживаю и тоже поднимаю руку.

— Кнопочкина? У тебя есть другое мнение? — Лидия Михайловна предвкушающе улыбается. Она обожает дискуссии на своих уроках.

Я тоже поднимаюсь и отвечаю, вплетая заранее отрепетированную речь, — не зря пол ночи читала эту нудятину, под названием «Гроза».

— Лидия Михайловна, я не совсем согласна с Егором. Да, Борис сделал кучу неправильных поступков, но с другой стороны, его годами ломали. Разве удивительно, что он теперь неспособен на добрые чувства и озлобился?

Я скашиваю глаза на парня, стараясь уловить, какое впечатление на него производят мои слова.

— Дикой — гад последний, — добавляю искренне. — Держал племянника в чёрном теле и вышвырнул, когда тот стал не нужен. А Борис... Он хотя бы попытался быть честным. Пусть неудачно, но попытался.

Лидия Михайловна поднимает бровь.

— Интересная точка зрения, Юлия. Но разве поступки Бориса не привели к трагедии?

Я задумываюсь, переглядываюсь с хмурым Егором, а затем пожимаю плечами.

— Да. Но осуждать надо и того, кто создал условия для

этой трагедии. А не только жертву.

Тут в глазах парня мелькает печальная, но какая-то добрая усмешка. Он переводит взгляд с меня на учительницу и с улыбкой говорит:

— Знаете, Лидия Михайловна... Может, я слишком увлёкся и Юля права. Я так-то тоже не люблю, когда людей судят за то, что они не смогли сломать систему в одиночку. Хотя Борис — всё равно тряпка.

Парни на задних партах фыркают, а учительница улыбается.

— Хороший аргумент, Грушев. Кто ещё хочет высказаться?

Но я уже её не слушаю. Вместо этого сажусь на место и во все глаза смотрю на новенького.

Синие глаза, совсем недавно горящие натуральным огнём, довольно быстро возвращают себе ясность, и Егор расслабляется. Он откидывается на спинку стула, проводит рукой по лицу, и твёрдые губы трогает усмешка.

— Ладно, Кнопка, — бросает он негромко уже совсем другим тоном, не слушая дальнейшее обсуждение, в которое учительница всё же ввязала половину класса, — сделаем вид, что ты меня убедила, хотя, как по мне, девчонки часто жалеют тех, кто просто слаб.

Я открываю рот, чтобы начать спорить, но Егор внезапно тыкает пальцем в едва заметный край футболки, торчащий из моего рюкзака.

— Кнопочкина, я смотрю, ты уже готова к последнему уроку... Это здорово — таким, как ты, нужно тренироваться постоянно и не пропускать. Я, когда маленький был, тоже еле бегал. Ничего, разошёлся.

У меня тут же портится настроение.

— Не твоё дело, Грушев.

Но парень будто не замечает моего бурчания.

— Почему ты так сильно не любишь физкультуру, ты же довольно жилистая, обычно таким не прямо чтобы сложно всё дается?

— Потому что я не собираюсь связывать жизнь с прыжками через козла, — парирую я, поднимая подбородок. — Буду работать головой, в отличие от некоторых.

Вместо обиды лицо Егора расплывается в улыбке.

— А-а-а-а, мотивация, ну тогда да. А вот мне нравится спорт. Особенно баскетбол. Обожаю чувствовать давление мяча под рукой, азарт борьбы и чувство, когда наконец-то мяч улетает в кольцо. Да и командные игры — это всегда нечто большее. С ребятами на какое-то время становишься единым механизмом — это круто.

Я пожимаю плечами, но продолжаю слушать. Постепенно Егор умудряется заинтересовать меня. Его глаза оживляются, когда он говорит с таким азартом, руки то и дело жестикулируют, хоть он и пытается это скрыть. А я... внезапно замечаю, как начинаю слушать, забыв о том, что собиралась съязвить. Егор рассказывает о том, как мяч для него стано-

вится продолжением руки, говорит, что всегда чувствует момент, когда следующий бросок окажется точным, и это происходит ещё до того, как он отпускает мяч...

Я сижу открыв рот, не в силах оторваться от рассматривания парня перед собой, и тут...

— Кнопочкина! Грушев! — резкий голос учительницы внезапно возвращает нас в реальность. — Вы у нас главные эксперты по Островскому, хотите рассказать вместо меня или всё же продолжите вашу занимательнейшую беседу на перемене?

Одноклассники фыркают, а я краснею до корней волос. Ну, Лидия Михайловна! Через пять минут звенит звонок, и я вдруг с удивлением осознаю, что провела больше половины урока, захлеб болтая с этим странным парнем.

Егор встаёт, но перед тем как уйти, чуть улыбается мне и внезапно подмигивает.

Я вспыхиваю и с возмущением провожаю крепкую спину одноклассника.

Этот Грушев... странный он. И не похож на наших олухов... Мы с ним общаемся просто, как будто это вообще возможно между парнем и девушкой.

Егор уже ушёл, так что я последней покидаю класс за одноклассниками. Впереди — целых десять минут свободы.

— Народ, слушайте сюда! — Элина Зубова хлопает в ладоши, собирая вокруг себя одноклассников. Её голос звенит слишком громко, отражаясь от стен коридора и заставляя

меня морщиться. — День учителя через три дня! Мы что, вообще ничего не организуем? «Бэшки» ещё в начале года сказали, что сами ничего делать не будут, так что опять нам отдуваться.

Марков тут же вскакивает на подоконник, принимая театральную позу.

— Я предлагаю устроить день самоуправления! Я буду директором, а вы все — моими рабами!

— Заткнись, Марков, — фыркает Зубова, отмахиваясь от позёра. — Я думаю, надо сделать как в прошлом году — встречать учителей с цветами у входа...

— О, доверьте это мне! — снова перебивает Костян, эффектно разворачиваясь и делая шутовский поклон. — Никто, кроме меня, не сможет справиться с подобным. Это же такое дело — дарить цветы учителям. Не Цареву же этим заниматься, в самом деле! Он пока с листка поздравление читать будет — все уснут. А я вам такую речь забабахая, что там все женщины будут ахать и охать!

Элька качает головой.

— Марков, в прошлый раз, когда ты дарил цветы, ты забыл снять ценник. И подарил географичке букет, на котором большими буквами было написано: «Уценка — 90%». Тебе что-то доверять бесполезно.

— Ой, ну ты и зануда, — тянет Марков, — она даже не заметила! А я вам бюджет на этих цветах в прошлый раз сэкономил. Кто потом в пиццерии три куса пиццы схомячил и

больше всех радовался свободным деньгам, а?!

— А в позапрошлом году, — тихим голосом подключается Стасенька, потому как Зубова от возмущения лишилась дара речи, — на первое сентября ты подарил Антонине Ивановне кактус. И когда она спросила: «Это что, намёк?» — ты сказал: «Нет, это единственное, что росло у мамки на подоконнике».

Класс дружно смеётся. Даже я не могу сдержать улыбку.

— Ну и что! — Марков не сдаётся. — Зато запомнилось! А ваши гладиолусы через час в мусорке окажутся.

— А давайте сделаем по-другому, — неожиданно предлагает Егор, и все вокруг как-то разом стихают. — Пусть каждый напишет учителю открытку от руки. Хоть пару тёплых слов. Мы же выпускаемся, обычно учителя, особенно женщины, ценят такие вещи.

В классе наступает задумчивая тишина.

— Это... — Марков чешет затылок. — Может на открытке нарисовать что-нибудь? Или я закину в...

— Не надо куда закидывать! — усмехается Егор. — Ты думаешь, Марков, учителя интернетом пользоваться не умеют? Придумай уж пару слов сам.

— У меня с придумыванием текстов не очень!

— Как будто с чем-то другим очень, — тихо фыркает Стася, но, заметив интерес к своей персоне, тут же замыкается в себе.

Странная она — всего боится, но всё равно пытается под-

держивать разговор — вон какими восторженными глазами смотрит на Зубову. А мне достаточно быть просто наблюдателем, я прекрасно себя чувствую не находясь в центре внимания.

— Знаешь, Костик, тебе можно и нарисовать, — тем временем ослепительно улыбается Элька нашей горилле. — Запомнят лучше.

— Спасибо, мамочка, — кланяется парень и под новый взрыв хохота слетает с подоконника.

Даже Царев, наш педантичный староста, снисходительно улыбается, поглядывая на шевеления глупых «деточек».

— Если мы действительно хотим сделать приятное, — всё же не удерживается он от менторского тона, — то к цветам я бы предложил добавить сделанные домашки.

— У-у-у-у!!! — тут же вопит половина класса, отшатываясь от парня во все стороны. — Изыйди, Царев!

Я с улыбкой качаю головой и отхожу к окну, делая вид, что проверяю домашку. За стеклом — серый асфальт, жёлтые листья. Так... обыденно. На самом деле, мне просто нужна передышка от громкого шума и обилия выкриков. Если бы могла, я бы просто пообщалась с кем-нибудь спокойно, с кем-нибудь одним... но... в общем, как всегда...

— Тоже считаешь, что учителям надо дарить гладиолусы?

Голос за спиной заставляет меня вздрогнуть. Егор стоит в полуметре, засунув руки в карманы.

— Гладиолусы? — моргаю я.

— У нас в прошлой школе была истерика у учительницы, когда кто-то подарил хризантемы. Оказалось, их дарят только «на кладбище».

Я фыркаю:

— Антонина Ивановна говорит, что гладиолусы — это для первоклашек. А вы, мол, дарите колбасу или кусок хорошего сыра.

Егор смеётся.

— Честная женщина!

— Но это же если личный подарок, а для дня учителя надо что-то стандартное, так что в принципе, ты прав, можно и открытки накалякать. Потом, как старые будем, может и сами с удовольствием пересматривать подобные вещи станем.

— У меня бабушка тоже, кстати, терпеть не может гладиолусы, — вдруг говорит Егор. — Она вообще всегда говорила, что они как занудные учителя — колючие и слишком правильные. А вот ромашки обожает с самой юности. Шутит, мол, они только для молодых, а ей уже далеко за семьдесят.

Я пожимаю плечами.

— Ну, если честно, я вообще плохо в цветах разбираюсь. Для меня они все на одно лицо, кроме разве что роз. А у тебя что, бабушка — тоже учительница?

Егор усмехается:

— Ага, точнее бывшая, тридцать лет в началке детей буквам учила. И, да, ромашки ей до сих пор бывшие ученики

носят — даже те, кто уже институты закончили.

— Значит, хорошая учительница, — улыбнулась я, а сама подумала: «Хорошо, когда есть кому тебе подарить цветы. У меня родители хоть и любят друг друга, но привычки дарить цветы у отца никогда не было. Когда-то давно, когда они только познакомились, мама сказала, что любит практичные подарки, и с тех пор каждый раз ей приносят либо очередную сковородку, либо кастрюлю, либо пылесос. Но цветы — никогда. И вроде бы она счастлива, но вот в семье так и закрепилось это правило — цветы — это мусор. Кстати, из-за чего Катюха брату не раз высказывала недовольство». Сейчас мне подумалось, что я бы, наверное, была не против, если бы кто-то когда-нибудь подарил мне цветы.

Звонок застаёт врасплох.

— Бежим! — Егор хватает меня за рукав, и мы влетаем в кабинет последними.

— Кнопочкина, вы что, на марафоне были? — строго спрашивает Леонид Борисович — наш физик.

— Практически, — выдыхаю я.

Егор подмигивает и первым садится за «нашу» парту. Я же плетусь следом, пытаюсь скрыть, что мне это нравится. Неожиданно для себя я уже начала привыкать к этому бугаю.

Глава 4 Урок кросса от Грушева

Я ненавижу кроссы.

И этот противное поскрипывание подошвы при каждом шаге, и трясущиеся собственные кости, а ещё чувство, когда уже после первого круга колет в боку. Но больше всего ненавижу тот момент, когда уже все финишировали, стоят, отдыхают, а я всё плетусь где-то сзади, у всех на виду, красная как варёный рак.

В эти моменты есть лишь одна мысль: «Господи! Почему я не могу бежать нормально? Как все?!»

И да, сегодняшний день не становится исключением. Ген-Саньч опять обещает «пятёрку» за четверть тому, кто прибежит первым, махает на прощание ручкой и достаёт свой допотопный секундомер.

Егор, конечно, сразу рвётся вперёд, словно ему больше всех надо, и при этом даже не напрягается. Рядом с ним как паровоз пыхтит Марков. Большинство девчонок бежит кучкой позади, перешёптываясь и бросая любопытные взгляды на новенького. Многие даже умудряются переговариваться промеж собой...

А я... я просто пытаюсь не умереть.

Последний круг...

Ноги ватные, в горле пересохло, в голове уже не туман, а туманище. Но что самое противное, в груди будто раскалён-

ный камень застрял — ни вдохнуть, ни выдохнуть нормально. Если я здесь умру, то мечтаю, чтобы на моей могиле было написано жирным шрифтом: «Не бегайте, дети, это вредно для здоровья!»

Я почти уже добегаю до середины и тут запутываюсь в собственных ногах и чуть не падаю лицом в землю.

— Всё! — хриплю я злобно, останавливаясь и упираясь руками в колени. — Я сдаюсь, гори оно всё!

Звонок с урока уже прозвенел. Большинство из класса сразу побежали в раздевалку, но некоторые задержались на стадионе — кто-то чтобы подобрать разбросанные на земле вещи, кто-то просто решил отдохнуть прямо на траве. Ген-Саныч, прищутив на меня глаза, повелительно машет рукой.

— Кнопочкина, ты остаёшься. Два круга шагом, потом домой.

Я закатываю глаза, но спорить бесполезно, только хуже будет. Всё равно же не добежала...

И вот, чуть отдышавшись, я одна бреду по дороге с облезлым асфальтом, чувствуя себя последним лузером. Ветер шевелит листья и залетает за шиворот — осень входит в свои права...

— Эй, Кнопка, ты жива? — раздаётся за спиной.

Оборачиваюсь — Егор. Он стоит в двух шагах от меня, держа в руке свою спортивную сумку.

— Ты чего не ушёл? — моргаю я.

— Футболку забыл в раздевалке, — легко пожимает он

могучими плечами. — А потом увидел, как ты героически дохаживаешь штрафной круг. ГенСаныч давно ушёл, можно не страдать больше.

— Очень смешно, — фыркаю я, но уголки губ предательски дёргаются. Почему-то приятно, что парень не ушёл.

Он достаёт из сумки бутылку воды и протягивает мне.

— Только не торопись, — хмыкает Егор, разглядев мой жадный взгляд.

Я даже внимания не обращаю, срывая крышку и с блаженством чувствуя, как прохладная вода смягчает жжение в горле.

— Слушай, Юль, — вдруг говорит новенький. — Мне кажется, ты не умеешь бегать просто потому, что тебя никогда не учили. Ты вон дышишь как попало, до сих пор успокоиться не можешь.

— Вот спасибо, Кэп, — я скрещиваю руки на груди. — А я думала, дело в том, что у меня ноги кривые!

Но Грушев даже не смущается.

— Ноги у тебя нормальные, — невозмутимо парирует он. — А вот техника, как говорил мой тренер по самбо, — полный отстой.

И прежде чем я успеваю возмутиться, он берёт меня за запястье. Лёгкое касание, но от него по коже тут же пробегают мурашки... и ставит рядом с собой.

— Слушай сюда. Ноги чуть шире плеч, корпус немного вперёд и дышишь не ртом, а носом: вдох на два шага, выдох

на два. И давай сначала шагом.

Я морщу нос, но повторяю.

— Серьёзно? И как я это считать буду?

— Абсолютно серьёзно. Считай, ты вроде в математике шариишь, я верю, что у тебя получится, — и не обращая внимание на моё возмущение, велит: — Попробуй.

Мы идём рядом, и он через шаг поправляет меня. И... чёрт возьми, это даже работает. В кои-то веки не задыхаюсь и не спотыкаюсь, словно хромая лошадь.

— Вот видишь, Кнопка, — ухмыляется Егор, когда мы, наконец, заканчиваем «урок». — Ты не так безнадежна, как казалась.

— Вот спасибо, — приподнимаю я брови.

В этот момент замечаю, что несколько человек из класса, которые задержались на стадионе, смотрят в нашу сторону. Зубова с подругами перешёптываются и тычут пальцами попеременно то в меня, то в Егора.

— О-о, — тяну я. — Нас, кажется, обсуждают. Жди подколок.

Егор лишь пожимает плечами.

— Мне вообще пофиг. Пусть болтают.

И в этот момент я понимаю, что мне... тоже пофиг. Ну, или почти.

Потому что впервые за все года учёбы кто-то не смеётся надо мной на физ-ре, не издевается, а помогает.

Егор начинает показывать правильную технику уже для

бега, а я, бесконечно опуская шуточки и первое время стараясь отлынивать, всё же незаметно втягиваюсь и пытаюсь повторять за парнем. Может потому, что он сам не смотрит на меня, как на слабачку, а может потому, что мне захотелось проверить, так ли я плоха, как мне всегда казалось.

И снова мы бежим, но на этот раз вместе, затем идём спокойным шагом, потом опять бежим. А потом возвращаемся в школьную раздевалку, где давно уже никого нет. Нужно забрать рюкзаки и верхнюю одежду.

Я надеваю толстовку прямо на чуть мокрую футболку, радуясь её теплу.

Меня снова окликает голос новенького:

— Ты куда сейчас?

— Домой, — пожимаю плечами, намеренно не поднимая глаза, чтобы не показывать свою заинтересованность. — А куда ещё?

Егор кивает и неожиданно садится рядом со мной, начиная зашнуровывать свои огромные кроссовки, которые сменил после физ-ры. Там, видимо, были какие-то специальные для спорта.

— Мне в ту же сторону. Пойдём вместе?

Вопрос звучит так небрежно, будто он спрашивает, что нам сегодня задали, но у меня почему-то перехватывает дыхание.

— Ну... если тебе не лень идти со скоростью черепахи, — бормочу я, натягивая на плечи рюкзак. — Вон у тебя какие

ноги длинные. Если пойдёшь своим обычным шагом, то я буду за тобой, как моська за слоном, бежать.

Егор фыркает и встаёт, перекидывая собственный рюкзак через плечо.

— Да я не особо сегодня тороплюсь, не переживай. И ты не моська... — тут он ко мне наклоняется и практически выдыхает: — Ты — Кнопка.

Я мгновенно вспыхиваю, но чтобы скрыть смущение, со всей дури бью его рюкзаком по плечу. Но этому шкафу, кажется, всё равно. Он лишь ухмыляется, и мы вместе выходим из школы.

Осенний воздух приятно холодит разгорячённые щёки, листья шуршат под ногами. Первые несколько минут идём молча: я старательно огибаю все встречающиеся на нашем пути лужи, Егор же бредет по прямой, насвистывая что-то под нос.

— Так где ты живёшь? — неожиданно спрашивает он.

Я называю улицу.

— Серьёзно? — его лицо расплывается в улыбке. — А я — в соседнем квартале, у стадиона.

— О... — выдавливаю я из себя. Это мы, что же, можем теперь всё время в школу и из школы вместе ходить? Нет, Кнопочкина, лучше об этом не думать!

Мы сворачиваем в осенний парк и бредем по дорожкам. Я до сих пор чувствую лёгкую дрожь в ногах после бега, а вот Егор, кажется, вообще не устал — он легко шагает рядом,

болтая о баскетболе, о котором я его осторожно спросила. Так что всё, что мне остается, это вовремя кивать головой, пока разглядываю профиль.

— ...так что если мы выиграем этот турнир, то нас ждёт область, — рассказывает парень, довольно прищуриваясь на солнце. — А там, глядишь, и до всеросса рукой подать. Ребята очень надеются.

— То есть, ты серьёзно в этом замешан? — удивляюсь я. — Я думала, баскетбол это так... развлечение.

Егор поворачивается в мою сторону, и в его глазах вспыхивает горячее, фанатичное пламя.

— Ты шутишь? Это же... — тут он замолкает на секунду, подбирая слова. — Знаешь, это как... как для тебя решать сложную задачу по алгебре. Ты на уроках сидишь с таким видом, словно ничего более интересного в жизни делать невозможно. Вот по сути, тоже самое, только вместо цифр — мяч, а вместо тетради — площадка. Знаешь, когда всё складывается, когда я чувствую игру... это лучше любого кайфа.

Я хмыкаю, хотя внутри что-то ёкает. Вот так вот запросто рассказать, что тебе нравится, и не бояться, что собеседник засмеёт — это прямо сильно.

— Ну, если сравнивать с алгеброй, то я тебя понимаю, — осторожно соглашаюсь я, всё ещё стесняясь говорить свободно. Не верилось, что Грушев не собирается смеяться над моим искренним увлечением алгеброй.

Егор вдруг бросает на меня косой взгляд из-под полуопу-

ценных ресниц.

— Кстати, почему именно алгебра?.. Ты ведь не просто так в ней шаришь, да?

Я пожимаю плечами и отвожу взгляд.

— Ну... Мне просто нравится. Там всё логично, всё по правилам. Никаких неожиданностей.

— В отличие от людей, — подсказывает он, и я удивлённо поворачиваю к нему голову. Смеётся? Нет, серьёзен.

Я молчу. Потому что он прав.

Егор не заставляет меня раскрывать душу, а вместо этого внезапно сворачивает к старой качели.

— Давай проверим, выдержит ли, — он трясёт ржавые цепи с хитрой улыбкой.

— Ты с ума сошёл! Она же старше нас!

Но парень уже садится. Качели издают жалобный скрип, но пока держат.

— Ну, Кнопка? — Грушев поднимает брови, всё сильнее раскачиваясь.

Я не выдерживаю и сажусь на соседнюю.

Осень. Парк. Тишина... И мы молча качаемся на качелях. Странное чувство спокойствия разливается по груди, когда ветер шевелит мои волосы. Где-то вдалеке кричат дети, а мне вдруг становится та-а-ак хорошо!

Когда мы выходим из парка, то перед нами расстилается знакомый район: панельные девятиэтажки, детская площадка, типовые магазины и пункты выдачи заказов. И оказыва-

ется, мы действительно живём совсем рядом.

— Так ты где? — спрашивает Егор, замедляя шаг.

— Вон там, — киваю я на сиреневый дом через дорогу.
— Третий подъезд.

— Понятно... — Егор задумчиво ковыряет кроссовкой асфальт, потом вдруг резко поднимает голову. — Слушай, Кнопка, а ты... не хотела бы поболеть за нас? В субботу как раз первые игры...

Я замираю. Сердце вдруг начинает колотиться так громко, что кажется парень слышит его удары.

— Я... — вместо привычного голоса раздается жалобный писк. — Я не очень разбираюсь в баскетболе...

— Да ладно, — он лишь отмахивается. — Просто будешь кричать: «молодец, Егорушка!» и хлопать — вот и вся наука.

Я фыркаю, а парень расплывается в широкой улыбке. И от его улыбки у меня в животе начинают порхать бабочки. Большие, наглые и совершенно неуправляемые.

— Посмотрим, — бормочу я, чувствуя, как лицо раскаляется до предела.

Мы доходим до моего подъезда. Егор задерживается на секунду, будто хочет ещё что-то спросить, но я уже торопливо лезу в карман за ключами.

— Ладно, тогда... увидимся завтра? — тут же понимает он невысказанный намёк.

— Угу.

Я влетаю в подъезд, даже не попрощавшись нормально.

И уже там в подъезде дыхание сбивается так, будто я снова пробежала кросс, а в голове бьётся лишь одна мысль:

«Он пригласил меня. По-настоящему пригласил!!!»

Дверь лифта закрывается, и я, наконец, выдавливаю из себя сдавленный визг.

Боже, я веду себя, как дурочка.

Но почему-то это неважно...

Дома мама снова готовит.

— Ты что, гуляла? — удивляется она, мельком поглядев на часы. Действительно — невиданное дело — дочь где-то задержалась!

— Нет, ГенСаныч бегать заставил, — отмахиваюсь я, ныряя в ванную, — да и потом с одноклассником домой шли через парк.

Мама тут же появляется в дверях ванной комнаты, заинтересованно вытягивая лицо.

— С каким это «одноклассником»?

— С Грушевым, новенький который, — я быстро мою руки, а заодно и лицо, порядком запыленное после физ-ры. — Он здесь, недалеко живёт. Нам было по пути.

— Ага, — в голосе мамы появляются нотки интереса. — И как тебе этот новенький?

Пожимаю плечами, стараясь говорить небрежно:

— Нормальный. Увлекается спортом.

В этот момент из комнаты с чашкой кофе выходит отец. Он окидывает меня строгим взглядом и интересуется:

— Про какого парня говорите? Надеюсь, не про их Маркова? Я этого оболтуса вчера поздно вечером на остановке видел, без дела парень шатается, того и гляди по кривой дорожке пойдёт.

— Нет, пап, — вздыхаю я тяжко. — Мы не про Костю Маркова, а про новенького. Егор Грушев зовут. Он просто живёт рядом.

— Грушев? — хмурится отец. — Не знаю такого. Не дурак, надеюсь?

Я прохожу на кухню и так и замираю с яблоком в руке.

— Да... не знаю точно. По первому впечатлению вроде нет. А что?

— Да так... — отец делает строгое лицо и садится за стол. — Нечего тебе с ненадёжными ребятами общаться, Юля. Да и развлечения все потом, после института, будут. Сначала — поступление.

— Я же не в монастыре живу... — ворчу я, но меня тут же прерывают.

— Юлечка, ты что, хочешь, как Лена Свиридова? — совсем невовремя поддерживает мама отца. — Она тоже думала, что успеет и погулять, и поучиться. А теперь в платном институте сидит.

Я лишь закатываю глаза, иногда родители устраивают ки-пишь из-за каких-то совершенно обыденных вещей. Начинаю понимать одноклассников, которые никогда ничего своим предкам не рассказывают. Может, на моих это просто по-

следний год в школе так действует? Не помню за ними такой жажды меня опекать...

После ужина ко мне в комнату заглянула мама.

— Юлечка, а ты точно не влюбилась? — осторожно спрашивает она, заглядывая мне в глаза.

Я смущаюсь. Как можно взять и что-то подобное рассказать, если я даже сама в себе об этом думать не могу?

— Нет, мам, какое влюбиться? — отмахиваюсь я. — Но я просто хочу хоть иногда общаться, разве это запрещено?

— Не запрещено... — качает она головой, — но мы с отцом очень волнуемся за тебя, дочка. Остался последний рывок, и всё же желательно, чтобы ты не забивала в этом году себе голову мальчиками. Поверь мне, ни к чему хорошему такие вещи не приводят в вашем возрасте.

— Я поняла, мам, спасибо, — закивала я, мысленно мечтая, чтобы она ушла.

Думаю, сейчас не самое лучшее время ей сказать, что Егор пригласил меня на свою игру...

Глава 5 Отец Егора

Суббота. Утро. И я, которая никак не может выбрать, в какой одежде идти на матч новенького.

На кровати уже валяется огромная гора свитеров, кофт и свитшотов. Синие, серые, вязаные, с молниями и без.

— Синяя — старая, серая — как мешок, а эта вообще вся в катышках, — я беспомощно оглядываюсь, понимая, что мне впервые в жизни не в чем идти...

Тут раздаётся стук в дверь.

— Да?

— Юль, сбегай, пожалуйста, в магазин, — просит мама, даже не пытаясь открыть дверь, — у нас масло закончилось. Иначе блинов твой отец не дожждётся. Всё остальное есть, так что только его!

— Хорошо! Я потом обещала Стасе из нашего класса передать тетрадь с конспектами по алгебре. Так что задержусь.

Отговорка так себе, мама прекрасно знает, что я ни с кем из класса близко не общаюсь. Но с другой стороны, всё же меняется? Главное, не признаваться, что собиралась тайком идти на баскетбол. Нет, я не скрываю, просто... ну незачем родителям об этом знать. Не сейчас.

Пока мама не успела задать тысячу вопросов, я хватаю последнюю из отбракованных худи и практически бегом выскакиваю из квартиры.

«Просто куплю масло, отнесу и заскочу на стадион. Ненадолго. Просто посмотрю...»

У подъезда моросит противный осенний дождь. Я натягиваю капюшон, засовываю руки в карманы и бегу в сторону ближайшего магазина. Прямо перед входом меня чуть не сносит с ног высокая фигура, вынырнувшая из-за поворота и огромного куста сирени. Не успев вытащить руки из карманов, я неловко покачиваюсь, но не падаю, потому что этот же человек успевает меня перехватить за локоть.

До ужаса знакомый голос бормочет извинения:

— Ой, девочка, прости, я не... Юля?

Передо мной стоит Егор. Капли дождя стекают по лицу парня, волосы прилипли к высокому лбу. На моём однокласснике джинсы и чёрная водолазка — совсем не спортивный вид.

Парень несколько оторопело меня разглядывает, видимо не до конца поверив, что сбил меня, а не ребёнка. Ну да, согласна, ростом я не вышла, так что спутать можно...

Следом за парнем из-за поворота выходит высокий мужчина, чем-то неуловимо похожий на Егора — тот же упрямый подбородок, та же крепкая фигура. Только взгляд другой... У Егора глаза тёплые, синие, как безоблачное небо. А у мужчины лишь холодный, оценивающий взгляд непонятного оттенка.

Я так теряюсь, что несколько сконфужено бормочу:

— Нет, нет... Всё в порядке. А ты... на матч не идёшь?

— вырывается у меня.

Егор странно напрягается.

— Перенесли.

Мужчина рядом с парнем поджимает губы и, мельком бросив на него недовольный взгляд, медленно переводит его на меня и оглядывает с ног до головы, словно оценивая товар на рынке.

— Пап, это моя одноклассница, Юля, — голос Егора внезапно становится плоским и равнодушным, как будто кто-то выключил в нём все эмоции.

— Тоже спортсменка? Не похожа... Или это из новой, районной школы? Тогда вполне возможно.

Я автоматически прячу руки обратно в карман, нашитый спереди на одежду, словно так могу спрятать их. Они кажутся слишком тонкими, слишком «ботаническими» на фоне мужчины и его мощных ладоней с выступающими венами.

— Н-нет, то есть да. Я не спортсменка, — совершенно путаюсь.

— Жаль, — мужчина хлопает Егора по спине так, что тот слегка покачивается и недовольно сжимает челюсти. — Вот моему сыну повезло с генетикой, может заниматься в своё удовольствие. Досадно лишь то, что не повезло с выбором спортивной дисциплины и правильным наставником.

Егор резко отходит на шаг. Я вижу, как его пальцы непроизвольно сжимаются в кулаки.

— Ты же спешил на поезд?

Мужчина хмурится, но достаёт телефон.

— Я приду вовремя. Как всегда, — отец Егора сухо улыбается и бросает в мою сторону короткий кивок. — Всего доброго, Юля.

— До свидания, — пишу я.

Егор явно собирается остаться рядом со мной, но мужчина внезапно говорит:

— Сын, проводи меня пожалуйста.

Когда они уходят, я смотрю им вслед. На взрослого мужчину, который прямо на ходу что-то недовольно выговаривает сыну, резко жестикулируя. И на Егора, который идёт, неестественно выпрямив спину и смотря прямо перед собой.

Я стою под дождём, не решаясь двинуться с места.

Ну, и что это было?

Когда они скрываются за поворотом, я наконец прихожу в себя, а потом всё же иду в магазин. Что там мама просила? Мозг бунтует и отказывается выдавать информацию. Я пытаюсь вспомнить наш разговор и понимаю... Блины, точно!

Но что там именно было? Чтобы не попасть впросак, покупаю яйца, муку, молоко и сахар. Всё, что может понадобиться для блинов. Выхожу из магазина вполне довольная собой. Даже если что-то лишнее, всё равно всё пригодится.

И тут я вновь вижу Егора. Парень возвращается один со станции, которая стоит совсем недалеко от нашего района. Его лицо бледнее чем обычно, а челюсти до сих пор сильно сжаты.

— Прости, что врезался, — он пытается улыбнуться, но получается кривовато.

— Всё нормально... — я буквально секунду колеблюсь.
— Матч правда перенесли?

Егор как-то слишком равнодушно пожимает плечами.

— Да нет, я просто... Он был дружеским, не серьёзным...
В общем, забей.

Мы медленно бредем в сторону моего дома, и я жалею, что не взяла пакет на кассе. Теперь глупо прижимаю свои покупки к телу. Егор, похоже, даже не замечает этого. Парень идёт рядом, но смотрит себе под ноги.

— Слушай, Егор. А твой отец... — начинаю я осторожно, не зная как правильно сформулировать вопрос.

— Он бывший тренер сборной по лёгкой атлетике, — сразу отвечает Егор. — Теперь работает в другом городе, родители давно развелись. Имеет сумасшедшее количество грамот и наград. Мечтал, чтобы я тоже связал жизнь с большим спортом. Желательно по его профилю, конечно. Но его ждало разочарование...

— Но вы же всё равно видите... — говорю осторожно, боясь спугнуть внезапную откровенность парня.

Но Егору, видимо, надо выговориться.

— Видите... — усмехается он, — отец приезжает проверить, не встал ли я на путь истинный, ну и дать пару ценных советов. В общем, проверяет прогресс своих вложений.

Прогресс. Звучит так, словно Егор — это проект, а не че-

ловек...

— Твой отец против баскетбола? Мне показалось, что он...

— Против не то слово, — фыркает парень. — Он считает баскетбол несерьёзным, Кнопка. Думает, я просто ленюсь.

Я молчу. Неловко. Мы только познакомились, и на уроках этот парень кажется просто девичьей мечтой. Но сейчас выглядит таким... уязвимым.

— Егор, но ты же выигрываешь турниры, разве этого мало?

— Для него это детские игрушки, — парень пожимает плечами, — не бери в голову, я привык.

Дождь усиливается.

Я в капюшоне, а у Егора по лицу текут капли воды. Мы снова идём рядом, как вчера, но настроение другое. Я думаю о том, что сказал парень, и хочу поддержать его, но... не знаю как.

— Слушай, на эту игру мы не попали, но мы часто тренируемся с другими командами. Ты хочешь, в итоге, прийти когда-нибудь? — вдруг спрашивает Егор.

Я краснею, но киваю.

— Если... если ты не против.

Парень на секунду останавливается, и его лицо озаряется искренней улыбкой, и меня накрывает ощущением, словно солнце пробивается сквозь тучи.

— Тогда я тебя предупрежу.

Я снова киваю, и мы, наконец-то, расходимся в разные стороны.

Когда я захожу в квартиру, мама удивлённо поднимает брови:

— А где масло? Я же говорила, что всё остальное есть.

Я замираю.

Блин!

— А... В этом не было! Я сейчас! В другой! — выпаливаю я, резко вываливая мокрые продукты на комод, и мчусь обратно, пока мама не начала расспрашивать, почему я вернулась вся мокрая, забывшая, зачем шла, да ещё со странным блеском в глазах.

Вечер.

Я сижу перед раскрытым учебником алгебры, рядом валяется исписанный черновик, а у угла стоит чашка остывшего чая. Я злобно стираю очередную неудачную попытку решения примера и уже в пятый раз перечитываю уравнение...

Этот интеграл сводит меня с ума уже третий час подряд. В выпускном классе расслабляться вообще нельзя — у нас ЕГЭ на носу, а я застряла на задаче, которую должна решать на автомате.

Только вот каждый раз, когда я пытаюсь сосредоточиться, вместо метода неопределённых коэффициентов перед глазами встаёт образ Егора.

То, как он общался с отцом. То, как он рассказывал, что не оправдал родительских надежд. А затем и широкая улыбка,

когда он предложил снова прийти на игру.

— Чёрт! — я так крепко сжимаю карандаш, что ломаю его пополам.

Со стоном откидываюсь на стул и закрываю глаза.

Но мысли упрямо возвращаются к парню...

Так нельзя!

Я с силой трясую головой и велю себе:

— Соберись, Юля! — хватаю новый карандаш. — Ты же не собираешься скатываться в учёбе из-за какого-то парня!

Но карандаш снова зависает над бумагой.

«А если Егор тоже сейчас думает обо мне...»

Резко отодвигаю стул.

— Хватит!

Уж лучше тогда поспать, раз толку сегодня от меня нет.

Через десять минут я лежу, уткнувшись лицом в подушку, но сон ко мне не идёт.

За окном — тихий шелест листьев, слышится шум проезжающих по трассе машин.

Спокойно...

А вот в голове — куча мыслей...

Почему он так посмотрел на меня?

Почему его отец...

— Почему я вообще об этом думаю? — я вскакиваю с кровати и уже собираюсь выйти куда-нибудь, как слышу вибрацию на телефоне.

И тут же сердце замирает. Я не знаю, кому понадобилась

в такое время, но не могу отделаться от ощущения, что это важно.

С неизвестного номера в мессенджере меня ждёт сообщение:

«Я всё узнал. Если ещё хочешь — приходи на дружеский матч в следующую среду на наш стадион. В 16:00. Егор».

Я роняю телефон на себя, потому что пальцы неожиданно цепенеют.

Секунда. Две...

А потом телефон снова у меня в руках, и дрожащими пальцами я набираю ответ:

«Ок. Спасибо».

И сразу же добавляю:

«Откуда у тебя мой номер?»

На экране высвечиваются три точки...

Он печатает.

«У Царева попросил».

Пауза.

«Ты не против?»

Я прикусываю губу, но не могу сдержать улыбку.

«Нет, не против».

Егор присылает довольный стикер.

Я гашу экран и какое-то время просто лежу, не в силах восстановить дыхание.

А потом вскакиваю и бегу к столу, где снова открываю тетрадь.

Почему я думала, что этот пример такой сложный? Вон же как легко решается!

«Разложение на простейшие... Замена переменной...»

Строки заполняются цифрами, и интеграл сдаётся так, словно я и не билась с ним три часа подряд.

Я довольно улыбаюсь.

Главное, не думать... Не думать...

Глава 6 Шубин и лужа

Утро началось с того, что я опоздала.

Когда запыхавшаяся влетаю в класс вместе со звонком и убираю прилипшие к лицу мокрые от дождя волосы, то первое, что слышу:

— О, Кнопочкина! — Марков радостно распахивает руки и, ухмыляясь во весь рот, громко кричит: — А мы уж думали, ты не придёшь и Грушеву одному весь день страдать!

Кто-то из ребят фыркает. Я же чувствую, как кровь приливает к щекам, но делаю вид, что не понимаю его намёков, и иду к своей парте. Егор уже сидит за соседним стулом, уткнувшись в телефон, но когда я опускаюсь рядом, он поднимает глаза и приветливо кивает.

— Привет, Кнопка.

— Привет, — бормочу я, доставая учебник.

Кажется, что сегодня все на меня смотрят. Оценивающе, насмешливо, с интересом. Я стараюсь не обращать внимания, но чувствую, как внутри всё сжимается.

Мы ещё не общались нормально, а нас уже начинают обсуждать. Это... напрягает...

После уроков я задерживаюсь, чтобы переписать конспект, и выхожу из класса одной из последних. В коридоре меня ждёт «сюрприз» — на полу перед дверью аккуратно разлита лужа воды. Я не успеваю среагировать, как кто-то

легонько толкает меня в плечо.

— Ой, прости! — фальшиво восклицает парень из параллели Денис Шубин, стоящий рядом с Зубовой. Ходили слухи, что они встречаются, но... мне это никогда не было интересно.

Я поскальзываюсь, но падаю не в лужу, а на кого-то твёрдого.

— Всё нормально? — над моим ухом раздаётся знакомый голос.

Егор. Он успел подхватить меня, прежде чем я грохнулась на пол. Лишь одна кроссовка неудачно встала в самый центр лужи, где, по несчастью, была вмятина в стареньком линолеуме. Так что холодная вода хлынула внутрь, затапливая носок.

— Да... — я резко выпрямляюсь, чувствуя, как горит лицо.

Парень напротив делает невинные глаза.

— Ой, Кнопочкина, ты такая неаккуратная! Как так вышло? О, Грушев! — переключается он на Егора. — Слышал, вы у нас теперь с Кнопочкиной сладкая парочка? Что, в классе больше никого из девчонок не нашлось? — он руками показывает в воздухе формы, которые, по его мнению, должны быть у девчонок.

Зубова пихает парня локтем в плечо.

— Денис, прекрати. Юль, не обращай внимания, он просто дурак.

Но тот ржёт.

— Да ладно, — ухмыляется он. — Элька, мне просто интересно. Вон, смотри, как романтично они общаются, — он противно прищуривает глаза. — Кнопочкина ж даже слова связать не может, только в тетрадках ковыряется. А тут — рыцарь, ждал, спас! — парень издевательски поднимает палец к потолку.

Я сжимаю кулаки, но не говорю ни слова. Хуже будет.

Но парня перебивает Егор, ставя меня ровно и отходя на пару шагов.

— Денис, правильно? — голос парня настолько спокойный, что даже странно. — Скажи, ты же специально воду разлил, пока я уходил на первый этаж?

— Да ладно, я же не... — Шубин пытается выглядеть круто, но как-то вдруг теряет уверенность.

— Вытирай.

— Что?!

Егор делает шаг вперёд и легко пожимает плечами.

— Либо сейчас берёшь тряпку и вытираешь пол, извиняешься перед девушкой, либо я объясню по-другому.

В коридоре повисает тишина. Зубова замирает, испуганно смотря на парней, которые вот-вот сцепятся, не зная, кого спасать первым.

Вдруг сзади раздаётся голос Кости Маркова. Парень подходит ближе и, осмотрев парней, обращается к парню из параллели:

— Слушай, Шубин, не нервируй нашего Егорушку, он парень нервный, может и в челюсть дать. Ди и Юльку нашу не трогай, мы, Аш-ки, за своих ботаников горой!

Он шутливо выпячивает грудь и тем самым разряжает атмосферу.

Шубин отходит на шаг и показательно небрежно бросает в мою сторону:

— Ладно, Кнопочкина, не держи зла.

И тут же уходит, оставив на полу лужу нетронутый.

— Пойдём, — Егор берёт меня за локоть и ведёт в сторону выхода.

— А вытереть? — меня мучает совесть из-за того, что мы, по факту, насвинячили. А ещё выпускной класс...

— Не переживай, — вдруг улыбается мне Эля, махая наманикюренными пальчиками. — Мы сейчас всё уберём.

Я удивлённо поднимаю брови.

— Ты?

В ответ она смеётся и кладёт ладошку на плечо зазевавшегося Маркову.

— Мне Костик поможет.

Парень открывает рот в возмущённом жесте, натывается на наивный, но при этом абсолютно хитрый взгляд нашей красавицы, вздыхает и машет мне рукой.

— Идите уже, голубки.

Мы идём через парк, и я чувствую, как мой рюкзак мягко покачивается на его плече. Я должна забрать его — Егор же

не мой носильщик. Но почему-то не решаюсь.

— Спасибо, что заступился за меня перед Шубиным, — наконец выдавливаю из себя, ковыряя ногтем шов на рукаве.

Егор легко подбрасывает мой рюкзак и ловит его одной рукой, будто он почти ничего не весит.

— Да ладно, Кнопка, это же мелочь. Таких, как он, везде хватает.

— Но ты же мог просто отмахнуться, — возражаю я. — Почему сразу так серьёзно на него наехал? Шубин всегда такой. Тот же Марков, например, лишь ржёт над его тупыми шутками.

Егор вдруг замедляет шаг. Мельком смотрит на меня, а затем говорит.

— Знаешь, в моей прошлой школе тоже был один тип. Даже похлеще Шубина. Он развлекался тем, что травил младшеклассников. У меня уже рефлекс на таких, не бери в голову.

Я невольно вспоминаю Стасеньку. Наша тихоня всегда нервничает, даже когда к ней просто подходят, а от шуточек Маркова и вовсе забивается куда подальше. Если такую, как она, травить...

— И что случилось? — спрашиваю у Егора, хотя уже сама догадываюсь.

— Да ничего, — Егор пнул кучу осенних листьев перед собой, — просто однажды я застал его, когда он запер в туалете пятиклашку, ну и не сдержался.

Я представляю эту сцену: маленького испуганного мальчика и Егора, врывающегося в туалет... Он так легко об этом говорит.

— Тебя за это выгнали?

Егор фыркает.

— Хотели. Но там учитель физ-ры видел всё. Правда, когда началось разбирательство... В общем, все решили, что это «мальчишеская потасовка».

— Вот поэтому ты перевелся? — спрашиваю я тихо.

— Отчасти, — Егор ненадолго замолкает, не желая вдаваться в подробности, а потом снова переходит на шуточный тон: — Так что не переживай, Кнопка. В жизни всякое бывает. А людей, особенно плохих, бояться не стоит.

— Легко тебе говорить, — фыркаю я, косясь на его большую фигуру. — Ты вон какой большой, а я маленькая — меня обидеть могут.

Тут его взгляд теплеет, и он каким-то вкрадчивым голосом говорит:

— А знаешь, Кнопка, маленьких надо защищать.

Я смотрю на него удивлённо, а он подмигивает и опять провожает меня до дома. Я, конечно, понимаю, что нам по пути, но такая забота приятна. Если даже не сказать больше...

А вечером мне приходит сообщение:

«Кнопка, не парься. Если Шубин опять начнёт — скажи. Мы с Грушевым его вразумим, не будь я лучший ученик

класса! Марков».

Я не выдерживаю и смеюсь. Всё же какие мои одноклассники... ещё дети.

Глава 7 Первый матч

Среда. 15:50

Я стою перед входом в самый большой спортивный комплекс нашего района.

До этого я всегда ходила мимо него, так как никогда не интересовалась спортом. А сейчас мне предстоит зайти внутрь, но я стою и волнуюсь, сжимая в руках свой рюкзак.

Сердце колотится как бешеное, словно это мне сегодня предстоит играть.

В голове мелькает мысль:

«Зачем я вообще сюда пришла?»

Но, подавив её, я делаю глубокий вдох и захожу внутрь стадиона.

На удивление, зал внутри полон.

Я думала, что дружеский матч — это значит, что я буду сидеть практически в одиночестве на скамейке и смотреть, как парни тренируются, но оказалось, что эта игра действительно похожа на настоящие соревнования.

На сиденьях полно взволнованных родителей с фотоаппаратами, групп поддержки разных команд, которые где-то раздобыли попкорн и уже сидят и жуют его, кто-то даже притащил плакаты, на которых огромными буквами написано: «Тайфун — чемпион».

Я пробираюсь на свободное место, мысленно уговаривая

себя не трусить.

В крайнем случае я посмотрю и уйду.

Внезапно включаются громкоговорители, и зал наполняется энергичной музыкой. Комментатор берёт микрофон и громко в него кричит:

— Встречайте команду «Тайфун»!

Откуда-то из-за трибун выбегают парни в бело-синей форме, и среди них я вижу Егора.

Сейчас он предстаёт передо мной не просто как ещё один одноклассник или парень, который дразнит меня на уроках «Кнопкой», а совсем другим человеком. Здесь он — капитан. Собранный, решительный и готовый к победе.

Глазами он быстро оббегает ряды болельщиков и безошибочно находит меня.

Я вспыхиваю и еле заметно киваю, не в силах сделать что-либо другое.

Егор расплывается в лёгкой улыбке и машет мне рукой, отчего все ближайшие соседи поворачиваются в мою сторону.

Я смущаюсь ещё больше, но парень уже отвлекается.

Выходит вторая команда на поле, и начинается разминка.

Егор ведёт мяч так, словно он родился вместе с ним — тот отскакивает от его сильных пальцев и ударяется об пол, чтобы тут же прилететь к ним обратно.

Я понимаю, что смотрю на движения парня не отрываясь, и ничего не могу с этим поделать.

Егор двигается словно дикий хищник — уверенно, легко, играючи. Точные резкие движения. Ни одного лишнего поворота. Ни одного лишнего шага. Он словно чувствует площадку.

— Грушев, дай пас! — кричит кто-то из их команды, и Егор лёгким движением рук отправляет мяч через всю площадку.

— О-о-о! — восхищаются на трибунах.

И я вместе с ними, потому что парень, получив мяч, легко закидывает его через кольцо.

Рядом сидящая женщина наклоняется чуть ближе к своей соседке и говорит:

— Их капитан всегда хорош в командной работе.

Я же понимаю, что улыбаюсь, слыша хорошие вещи про Егора. Почему-то это оказывается очень приятно.

Противники у Егора тоже не новички — огромные бугаи, рослые, коренастые, они словно пытаются продавить соперников силой, несмотря на то что сейчас идёт лишь разминка.

Капитан команды «Буря», рыжий детина с коротким ёжиком волос, идёт прямо на Егора и, не доходя всего пару шагов, орёт во всё горло:

— Не пройдёшь, коротышка!

Егор, который, кстати, ничуть не ниже парня, даже не реагирует на подкол. Вместо этого ставит блок и довольно легко уводит мяч у противника.

— Фол! — свистит судья.

Рыжий громко выругивается, но Егор только пожимает плечами — игра чистая.

Разминка заканчивается, и начинается матч.

Первой же атакой у «Тайфуна» Егор прорывается через защиту и, делая обманное движение, бросает мяч.

Свисток!

— Два очка «Тайфуну»! — гремит в динамике.

Зал взрывается аплодисментами, и я восторженно хлопаю вместе со всеми. А затем, испугавшись своей бурной реакции, пытаюсь сделать вид, что ничего и не было.

В голове проносится мысль: «Боже, этот Грушев действительно хорош».

Но «Буря» не сдаётся. Их защита начинает сжиматься вокруг нашей команды словно капкан. Каждый пас ребят перехватывается, а каждый бросок блокируется.

— Давайте скорее! — командует Егор ребятами, но в какой-то момент все замешкиваются, перемешиваются, и в итоге мяч потерян.

Рыжий капитан ухмыляется:

— Что, звезда, уже устал?

Егор не отвечает. Он просто идёт в атаку.

Но тут происходит неожиданное.

Один из наших парней запинается о выставленную подножку и падает.

Егор отвлекается на члена команды... И тут же теряет мяч.

Бросок!

И счёт сравнялся...

— Грушев, что с тобой? — недовольно кричит тренер.

Перерыв.

Игроки «Тайфуна» собираются возле скамейки. Егор что-то объясняет членам команды, а с ним спорит тренер, точно так же активно жестикулируя руками. В глазах парней горит огонь азарта.

Я понимаю совершенно точно: они не сдадутся. Не выдерживаю и кричу со своего места:

— Давайте, «Тайфун»!

Егор резко оборачивается и, найдя меня взглядом, довольнo улыбается. Я улыбаюсь в ответ, хотя чувствую, как горят уши.

Мой крик не остаётся незамеченным.

— Юлька! — с верхних рядов ко мне подбегает Элька Зубова. — Ты что, тоже ходишь на эти матчи? Мы сегодня пришли посмотреть на нашего новенького!

Тут же подбегает Марков и шутливо обнимает обеих:

— Ну что, девчонки, поболеем за нашего Егорушку? Я научу вас, как правильно кричать кричалки и громко топать ногами!

— Ой, отстань, — отмахивается Зубова.

И они оба, смеясь и постоянно перебрасываясь шутками, оттаскивают меня на самый верх.

Я бросаю взгляд вниз... на Егора... не желая так далеко

удаляться, но парень занят разговором с членами команды.

В конце концов, я падаю на сиденье рядом с одноклассниками.

Марков протягивает мне попкорн.

— Будешь? — улыбается он.

Я качаю головой.

— А зря, — парень засовывает в рот целую горсть и важно говорит: — Это, конечно, не футбол, но тоже ничего такая игра.

Затем поворачивается в другую сторону и, достав бело-синий шарф, передаёт мне.

— Держи, Кнопочкина, ни в чём себе не отказывай. Это цвет команды Егора. Я с их командой знаком давненько, хоть и лично никогда с Егорушкой до этого не общался, пока он к нам не перевёлся. А вот шарфик, как видишь, пригодился.

Я нервно улыбаюсь.

А дальше всё как в тумане.

Я кричу. Хлопаю. Один раз даже вскакиваю на ноги, когда Егор делает сейв, падая на пол. У меня вырывается из горла испуганный крик. Что вызывает у Маркова, стоящего рядом, насмешливый хмык. Хотя парень сам всю орёт и кричит.

Ну, видимо, это другое...

И вот финальная сирена.

76:70

И победа у «Тайфуна».

Зал ревёт.

Зубова с Марковым рядом визжат на тонкой ноте.

Команда победителей внизу обнимается, а их тренер хлопает парней по плечам.

А я стою, не решаясь спуститься вниз. И буквально на секунду отвлекаюсь на болтающего Маркова, как...

— Кнопка!

Разворачиваюсь так быстро, что кажется — сейчас упаду.

Егор с мокрыми от пота волосами пробирается ко мне прямо через толпу народа.

Парень встаёт напротив, и я чувствую, как гулко колотится сердце где-то в горле.

— Кажется, кто-то обещал кричать «молодец» и всячески поддерживать своего одноклассника, — шутивно-осуждающе тянет Егор, а потом ухмыляется: — Но почему-то я не услышал ни одного твоего крика.

Я даже сказать ничего не могу в своё оправдание, но за меня отвечает Марков:

— Ты что, Егорушка! Она орала как сумасшедшая, левым тапком тебе клянусь. Настоящая фанатка, тебе повезло!

Егор смеётся. А я ловлю себя на мысли, какой он красивый, когда вот стоит такой: мокрый, уставший, но абсолютно счастливый.

В какой-то момент он наклоняется и негромко спрашивает:

— Что, действительно понравилось?

Я киваю, не в силах выдать из себя ни слова.

— Тогда приходи на следующий матч — он уже через неделю, — предлагает парень.

— Я... может быть...

Марков рядом ухмыляется, а затем подхватывает Эльку за шарф и тащит в сторону выхода, громко крича о том, что кого-то надо оставить вдвоём.

И мы действительно остаёмся одни.

Люди вокруг перестают существовать.

Мы стоим напротив друг друга и улыбаемся как дурачки. Егор не отводит взгляд от моего лица, и хотя мне ужасно неловко, я продолжаю смотреть на него во все глаза, чувствуя одновременно страх и странное чувство, словно за моей спиной выросли настоящие крылья.

И в этот момент...

— Егор, — громкий голос словно разрезает воздух между нами.

Мы резко оборачиваемся.

Совсем недалеко от нас стоит отец Егора. Он, в отличие от нас, не испытывает никакого восторга.

Скорее наоборот...

— Что это было? — мужчина даже не здоровается. — Ты пропустил три подбора подряд во втором тайме!

Лицо парня рядом со мной мгновенно каменеет.

— Они играли на опережение...

— Не оправдывайся! Если бы не этот дурацкий трёхочковый в конце, ты бы проиграл. Куда ты смотришь?

Пальцы Егора сжимаются в кулаки, но пока он ещё держится:

— Пап, давай не сейчас...

Но отец протестует:

— А когда ещё? Ты думаешь, тебе дадут время на раскачку? Ты же знаешь, в чемпионате против тебя будут играть профессионалы. Ты хочешь провести всю жизнь в дворовой лиге? Это отвратительный спорт, но даже в нём ты делаешь массу ошибок!

Шум вокруг нас затихает.

Все, кто до этого общался, теперь смотрят лишь на нас.

Я чувствую взгляды: сочувствующие, заинтересованные, у кого-то даже весёлые. Все они смотрят на Егора.

А я чувствую себя ужасно и хочется провалиться сквозь землю. Я не должна слушать, как моего одноклассника ругает собственный отец! Но я ничего не могу поделать — только чувствую эту ужасную неловкость...

Грушев-старший говорит ещё несколько грубых слов, а потом разворачивается и уходит, оставляя нас вдвоём.

Я стою ни жива ни мертва, не в силах поднять глаза.

Егор же какое-то время молчит, а потом разворачивается ко мне и преувеличенно радостным голосом говорит:

— Спасибо, Кнопка, за то, что пришла. Я рад был тебя видеть. А на это... не обращай внимания...

Но тут я его перебиваю:

— Если у вас будет ещё матч, я приду!

Перемена темы слишком резкая, слишком явная.

Но Егор понимает:

— Спасибо.

Глава 8 Ультиматум родителей

После матча я лечу домой словно на крыльях.

Ноги сами несут меня по знакомым улицам, а в голове крутится и крутится один и тот же момент.

Егор улыбается мне после матча. Взгляд тёплых синих глаз раз за разом заставляет трепетать сердце.

Он правда заметил меня!

Он меня ждал.

Он ко мне сам первый подошёл!

Я чувствую, как краснею, хотя никто на меня не смотрит.

Даже не замечаю, как оказываюсь возле своего подъезда, а затем и выхожу из лифта.

Открываю телефон, чтобы проверить, не написал ли за это время Егор.

Но экран девственно пуст.

«Ничего страшного — мы завтра увидимся», — успокаиваю я сама себя.

В самом радужном настроении распахиваю дверь дома...

И застываю на пороге.

В коридоре стоят отец и мать.

У обоих на лицах такое выражение, что у меня холодеют внутренности.

— Мы тебя ждали, — негромко, но довольно сурово произносит отец.

— Юля, наконец-то! — мама нервно складывает руки на груди и уточняет: — Где ты была?

Я теряюсь.

— В... в библиотеке...

Утверждение выходит практически вопросом. Я пытаюсь врать, но понимаю, что мне это не удаётся.

— В библиотеке? — отец поднимает брови. — Три часа, правда?

— Да, — снова вру я. — Мы решали задачи с одноклассниками...

Отец хмыкает:

— Юля, ты сама себе веришь? Кто в наши дни ходит в библиотеку, чтобы делать уроки? Что ты нам рассказываешь?

— Ты нам врёшь, — соглашается мама и смотрит на меня внимательно.

Я переступаю порог, прикрываю дверь и не гнушимися пальцами пытаюсь снять с плеч рюкзак.

Родители же продолжают говорить.

— Нам звонила Антонина Ивановна, — вдруг говорит мать. — Она спрашивала, почему ты не пришла на дополнительные занятия.

И тут я всё понимаю.

Я забыла...

Я забыла про дополнительные задания и забыла о том, что обещала учительнице математики прийти к ней.

А ведь я так умоляла её об этих дополнительных встречах!

Обычно мои одноклассники для подобного обращаются к репетиторам, а Антонина Ивановна согласилась объяснить тему, которую я не поняла, просто так.

И я забыла! И это всё из-за матча.

Я опускаю голову.

— Я...

— Юля, — голос отца разрезает пространство, — спрашиваю ещё раз: где ты была?

Я проглатываю ком в горле и практически неслышно отвечаю:

— Смотрела баскетбол...

Родители молчат.

— Баскетбол? — отец говорит так, словно я только что призналась в чём-то очень постыдном. — Мне казалось, или ты ненавидишь спорт, Юля?

— Не... не всегда...

— И с кем ты там была?

Опускаю глаза.

— С одноклассниками.

— Какими именно одноклассниками? — продолжает допрос отец.

И я чувствую, что не смогу уйти от них, не рассказав им всю правду.

— С Марковым... Зубовой...

— И с этим новеньким? — вдруг догадывается мама и

смотрит на меня с таким видом, словно они застали меня за курением сигарет около подъезда.

Я краснею. И этого становится достаточно.

А потом был очень длинный вечер.

Длинный, тяжёлый вечер. Тяжёлый разговор.

Я чувствовала, словно меня пытаются.

— Расскажи нам про него, — просит мягко мама, но я прекрасно знаю, что бы я ни сказала, им это не понравится.

— Он... он просто парень из класса, мы хорошо общаемся... Ничего такого! Он занимается спортом...

— Это он играет в баскетбол? — проявляет догадку отец.

— Да, но он ещё занимался самбо, — говорю я и прикусываю язык.

Зачем? Зачем я всё это рассказываю?

— А! — делает собственный вывод отец. — Значит, он склонён к дракам. Юля, тебе не кажется, что подобные личности не должны изначально попадать в поле твоего зрения?

— Но папа!

— Юля, ты же умная девочка, — мама кладёт мне руку на плечо и заглядывает в глаза. — Мы волнуемся... Ты готовишься к ЕГЭ, у тебя на носу олимпиада. Ты хочешь поступить в МГУ. Разве... разве ты готова променять свои мечты, свою жизнь... на какого-то спортсмена, которого только-только встретила?

Я зажимаюсь.

«Но он не какой-то», — хочется объяснить.

Хочется рассказать, что всё не так, как они думают, что ещё ничего не решено, мы просто общаемся!

Но родители всё воспринимают иначе.

— Нам Серёжа всё рассказал, — вдруг тихо говорит мама.

Я вздрагиваю и смотрю на неё с удивлением:

— Серёжа?

Сам Серёжа узнал о том, что мы общаемся с Егором, всего два дня назад.

Мы с ним сидели на кухне в три часа ночи и пили чай с мятой.

Я всегда считала, что брат для меня друг, так что легко рассказала ему про Егора.

Вдобавок, мне казалось, что ему понравится, что я нашла нового друга. Того, с кем можно пообщаться.

Я рассказала ему про Егора. Рассказала, как он защитил меня от Шубина, как улыбался, когда учил бегать кросс.

Рассказала, что чувствую, что у меня появился друг, который болтает со мной в коридоре.

Тогда Серёжа лишь посмеялся и сказал, что я влюбилась.

А я покраснела и прошептала, что всё не так.

Лишь напоследок брат меня предупредил:

«Юль, только смотри внимательно. Такие парни, которые звезды школы, спортсмены и все девчонки на них слюни пускают... Они редко бывают достаточно надёжными, чтобы на основании всего нескольких встреч мечтать строить с ним жизнь».

Я тогда отмахнулась сказав, что мы ничего ещё не строим. И Серёжа меня уверил, что сохранит наш разговор в тайне!

Уверил, что он всегда рядом, что он всегда готов помочь. А теперь...

— Что вам сказал Серёжа? — спрашиваю я у родителей. Отец недовольно хмурит брови.

— Какая разница, Юлия? Просто нам не нравится, что какой-то неизвестный парень подкатывает сомнительными способами к нашей дочери. Тогда, когда ты должна заниматься уроками.

— Он не сомнительный!

— Разве? — отец выгибает бровь, — То есть, по твоему, коверкание имени и называние тебя «Кнопкой» — это прекрасный способ выразить дружеское расположение?!

— Юля, пойми, — продолжает наседать с другой стороны мама, — нам страшно, что такой неблагонадежный мальчик вдруг становится для тебя важнее, чем твои родители! Чем твоё будущее... твоё образование! Нам это не нравится.

— Он хороший... — шепчу я, глотая горькие слезы.

Я не могу, не могу объяснить!

Отец меня снова прерывает:

— Юля, мы тебя любим, но если ты не одумаешься, мы примем меры.

Он замолкает, и в воздухе словно нависает угроза.

Я оглядываю обоих родителей и спрашиваю почти

неслышно:

— Какие меры?

— Мы подумаем о твоём переводе в другую школу. Перестань портить себе жизнь, или мы защитим тебя сами, дочка.

Я не выдерживаю.

Убегаю к себе в комнату, запираю дверь, а потом падаю лицом в подушку.

Они не правы. Они не правы. Они не правы!

А через некоторое время мне приходит мысль: а вдруг правы?

Я действительно Егора совсем не знаю, ведь он только пришёл...

Но потом снова моё сердце твердит: нет, быть не может, Егор не такой, он не может оказаться негодяем! Я знаю. Я чувствую!

Телефон на тумбочке вибрирует.

Я беру его в руки и вижу сообщение от Егора:

«Спасибо, что пришла, Кнопка. Завтра в школе покажу, какие фотки сделал Марков. Ты там тоже есть)))»

По щеке скатывается слеза.

Я ничего не отвечаю и просто выключаю телефон.

Впервые в жизни я ненавижу себя за то, что послушалась родителей. Но я слишком слаба, чтобы им противостоять. А если они переведут меня в другую школу, я этого не вынесу.

Значит, мне придётся перестать думать о Егоре Грушеве.

Придётся выкинуть его из своей жизни.

Я лежу в темноте и смотрю в потолок.

Моя жизнь кончена.

В душе кипит обида на Серёжу.

Хочется вскочить, позвонить ему среди ночи и громко кричать о том, что он предал меня, что он негодяй, спрашивать, как он мог так меня подставить и всё рассказать родителям...

Но я останавливаюсь.

Какой толк, если я буду кричать и плакать? Буду выглядеть ещё более жалко.

И я продолжаю смотреть в потолок.

Сама виновата. Надо было молчать.

Нельзя никому ничего говорить.

Боль сменяется пустотой.

Я провожу одну из самых худших ночей в своей жизни. А на следующий день Серёжа, пришедший домой, ловит меня в коридоре.

Он приходит с утра и по виду уже успел пообщаться с родителями и узнать, что они промыли мне мозги.

Брат выглядит виноватым.

— Юль, послушай...

— Отстань, — я дёргаюсь, но Серёжа не даёт уйти.

— Послушай, я не хотел тебя подставлять. Мама сама спросила, не знаю ли я, где ты, как ты, потому что ты на звонки не отвечала, они перепугались, а я...

— А ты меня просто предал, — я кусаю губу, чтобы не

расплакаться.

Серёжа морщится.

— Блин, Юлька, я же не знал, что они так серьёзно всё воспримут. Я думал, они просто волнуются и ничего страшного не будет. Что плохого в том, что ты общаешься с мальчиком?

Я не дослушиваю и вырываюсь из его рук.

— Ты что, не знаешь, как они... решают за меня? Не знаешь, что моя жизнь уже спланирована и никаких изменений я в неё вносить не могу?

В голосе появляются слёзы, и брат меняется в лице.

— Прости, — наконец выдыхает он. — Честное слово, Юль, я исправлю.

— Как?

— Не знаю, но обязательно исправлю.

Серёжа уходит в комнату, а я механически завтракаю и одеваюсь.

Мама спешит на работу, но ждёт меня.

— Я тебя отвезу, — говорит она таким тоном, который не подразумевает отказа.

Я лишь киваю, послушно натягиваю кроссовки и беру рюкзак. Мама осматривает меня так, словно хочет найти все следы возможного неповиновения, но я выгляжу как приличная девочка, и она кивает.

— Пойдём.

Мы молча спускаемся в лифте и выходим из подъезда.

Мама отвозит меня до школы, зорко проверяя, чтобы до крыльца меня не остановил ни один неблагонадёжный мальчик.

Я же вхожу внутрь школы и тяжело вздыхаю.

Как мне сегодня общаться с Егором, если мне запретили?

Глава 9 Сомнения

Я захожу в класс раньше Егора, сразу же сажусь на своё место.

На соседнее кладу рюкзак, словно он сможет меня защитить. Словно он вместо меня сообщит о том, что место занято.

— Эй, Кнопочкина, рюкзак-то сними, — слышу голос Маркова с задней парты. — Наш спортсмен идёт, я видел его в окно. Придёт твой рыцарь, а ему даже и сесть негде!

Но я делаю вид, что не слышу, и лишь сильнее утыкаюсь взглядом в тетрадь.

Пусть лучше думают, что я заучка-недотрога, чем догадаются о настоящей причине.

Класс постепенно заполняется одноклассниками, но я так и не поднимаю головы, рисуя в тетради бессмысленные завитушки карандашом.

— О, Грушев, а ты куда? — слышу голос Марков

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.